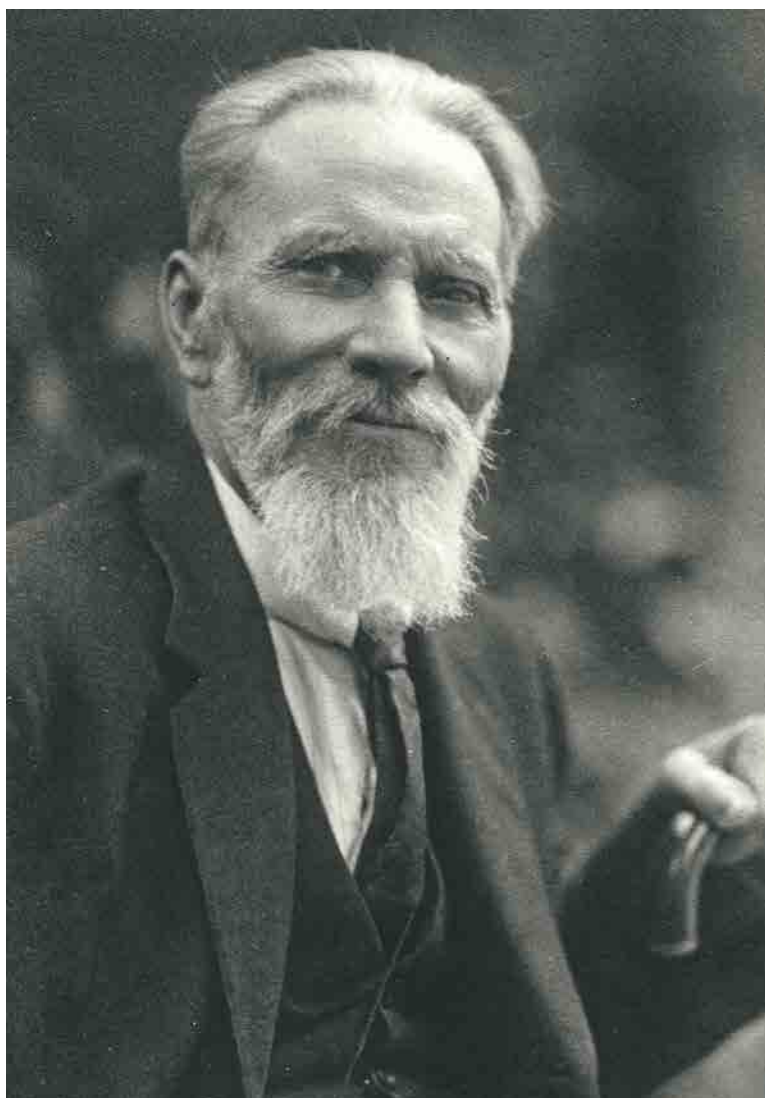

Лечение кефиром на берегах Женевского озера

О том, как один из основателей партии эсеров, Егор Лазарев, устроил «профилакторий» для русских революционеров и коронованных особ

Егор Егорович Лазарев в Чехословакии. 1926 г.

Наталья Ёхина

В 1896 году, после долголетнего пребывания в Швейцарии, врач по образованию, литератор и переводчик Сергей Маркович Перский (1870–1938) выпустил книгу «Швейцария на берегу Женевского озера: Вёве, Монтрё и их окрестности», дабы «подробно ознакомить русскую публику, все более и более наезжающую» в эту страну, с ее красотами.

Когда сравниваешь виды Вёве и Монтрё на фотографиях в книге Перского с тем, как выглядят

В Швейцарию Лазарев впервые прибыл летом 1895 года. К этому моменту 23 года из 40 прожитых лет он занимался революционной деятельностью, никогда не был женат и в России за его плечами были неоднократные аресты и ссылки. Путь на швейцарские берега Лемана начался для Егора Егоровича после побега из ссылки в Восточной Сибири (1888–1890), и до 1895 года его необыкновенно насыщенная событиями жизнь была связана с Америкой, Францией и Англией. В Швейцарии же Лазарев наконец

на кумыс» группой столичной молодежи. Тогда все присутствующие «сходились к столу, чтобы повидаться и поболтать сообща», а отдых «заклучался в переваривании поглощенного кумыса и философических переключках, лежа на спине».

Называя ферму «русской волостью», Егор Егорович писал, что через нее в течение 20 с лишним лет «прошли тысячи и тысячи русских эмигрантов, учащейся молодежи, съезжавшейся на лето со всех стран Европы, и множество приезжих из России русских, больных и здоровых путешественников». Это одновременно было место «санаторно-курортного лечения» и своего рода «дискуссионный клуб», где люди самых разных политических и общественных взглядов, вольно и невольно взаимодействуя друг с другом, полемизировали ночи напролет, а днем поправляли подорванное в тюрьмах и ссылках здоровье чудодейственным лазаревским кефиром.

Однако совершенно отдельный, яркий и удивительный сюжет в истории «русской волости» – это визит австрийской императрицы Елизаветы (Сиси).

За чашкой кефира с императрицей

Елизавета посетила ферму в апреле 1897 года. Вспоминая об этом незаурядном событии, Егор Егорович сожалел, что не вел в этот период систематических записей. «А мог бы, – сокрушался он, – если бы в то время я не был идеалистом и интересовался Историей, а не спасением человечества». Тем не менее синхронные этим событиям записи Лазарева сохранились. Его кларанская корреспонденция перлюстрированная агентами российской охраны, благодаря чему мы знаем о визите императрицы из уст самого Лазарева: «Приехала сюда Императрица Австрийская Елизавета, стала пить кефир и молоко с нашей фермы, то и другое ей так понравилось, что она заинтересовалась фермой и пожелала узнать

С первого взгляда ситуация кажется парадоксальной: императрица Австро-Венгрии не только посещает ферму революционера-народника, но, более того, по словам Лазарева, приглашает его на все время своего шестинедельного пребывания в Монтрё состоять при ней лейб-медиком. Впрочем, подобного рода поступки были свойственны Елизавете. Современница императрицы норвежская писательница Клара Чуди (1856–1945), выпустившая в 1901 году в Лондоне ее биографию, отмечала, что «страстная любовь к природе, горячее влечение к науке и мучившее ее нервное беспокойство заставляли императрицу Елизавету проводить большую часть времени в поездках с одного места на другое. Обыкновенно она путешествовала по чужим землям без свиты, в качестве простой туристки».

Необходимо отметить, что конец 1880-х – середина 1890-х были очень сложными и трагичными для императрицы годами, за короткий период ушли из жизни многие родные и близкие ей люди. Самая страшная череда потерь – трагическая смерть единственного сына кронпринца Рудольфа в январе 1889 года. Историк и писатель Эгон Цезарь Конте Корти (1886–1953) в созданной им на основе документальных материалов биографии императрицы приводит запись, сделанную Елизаветой в дневнике в октябре 1889 года: «Я могу сойти с ума... если стану задумываться, как долго мне еще предстоит жить».

Желание заглушить неутихающую боль все больше толкало Елизавету к перемене мест в надежде на то, что увиденные красоты «смягчат безутешность и безрадостность, тяжким бременем лежащие на ее душе». С 1890 до 1897 года императрица пребывала в непрерывных путешествиях, совсем не думая о своей безопасности.

Швейцарию императрица особенно любила. Помимо Женеви, где Елизавета могла «никогда не замеченная разгуливать среди всевозможных космополитов», она часто останавливалась в Террите – деревне в Монтрё, располагавшейся совсем недалеко от Божии. Именно здесь Елизавета жила во время своих посещений лазаревской фермы. Подтверждение этому находим у Конте Корти, который отмечает, что императрица прибыла сюда из надоевшего ей Кап-Мартена (Франция), где находилась с января по март 1897 года, а покинула Террите в мае того же года. Несмотря на беспрепятственное лечение, она испытывала некоторую апатию к врачам, не доверяя им. Именно поэтому, продолжает Корти, Елизавета с большим трудом согласилась на осмотр лейб-медиком прие-

Супруги Лазаревы на ферме. 1900 г.

хавшего в Террите эрцгерцога Франца Фердинанда.

В воспоминаниях Лазарева также упоминается визит к императрице наследника престола, которому пришлось прибегнуть «к протекции нового лейб-медика, дабы добиться у императрицы пятиминутной аудиенции». Имел ли данный факт место на самом деле, сказать сложно – вряд ли биографы Елизаветы посмели бы упомянуть о том, как наследник престола Франц Фердинанд был с трудом допущен к австрийской императрице русским революционером-фермером, ведь даже вполне безобидная книга Лазарева Чуди, изобилующая лишь подробностями о болезнях императрицы, в Австрии была запрещена. Тем не менее, учитывая особенности характера Елизаветы и ее состояния в данный период, этот случай вполне мог иметь место. Так или иначе, Конте Корти констатировал: пребывание в Террите пошло Елизавете на пользу.

Ответ на вопрос, как императрица могла узнать о ферме Лазаревых, думается, не так и сложен. Продукция на ферме к моменту появления на ней Е.Е. Лазарева была уже довольно популярна. В частности, С.М. Перский упоминает, что большинство отелей в Монтрё снабжались кефиром, приготовляемым «в деревне Божии, на ферме, известной своим отличным качеством «молоком для больных», а содержала ферму русская дама. Дамой этой была некто иная, как Ю.А. Лакиер, по стечению обстоятельств ставшая женой Лазарева именно в тот год, когда книга Перского увидела свет. Учитывая, что Елизавета во время своих путешествий имела привычку «без предупреждения посещать понравившиеся ей частные сады», неудивительно, что она появилась и на ферме.

Была и еще одна причина, которая вполне могла мотивировать интерес императрицы к молочной ферме Лазарева. Елизавета постоянно и в некотором роде болезненно следила за своим весом, колеблющимся в диапазоне от 46 до 50 килограммов. Сопровождавшая императрицу в путешествии 1894 года графиня Ирма Сцтарай отмечала ее увлеченность «новомодными» молочной и апельсиновой диетами, соблюдение которых предусматривало употребление в течение всего дня только этих продуктов. В начале 1895 года, во время проживания в Кап-Мартен, по указанию Елизаветы были приобретены коровы и отосланы в Австрию для устройства образцовой молочной фермы. С учетом вышесказанного неудивительно, что

Елизавета и Е.Е. Лазарев нашли общий язык.

Убийство императрицы 10 сентября 1898 года итальянским анархистом Лукени глубоко возмутило и потрясло Егора Егоровича. В семейном альбоме среди фотографий родных и близких Лазарев бережно хранил памятную открытку с фотографией Елизаветы, а также открытку, на которой был запечатлен памятник императрице в Террите.

«Тут чисто русская волость»

Но жизнь «русской волости» продолжалась. Становясь все более популярной, ферма доставляла немало хлопот хозяевам, ведь основную работу они выполняли сами. «Дом у нас всегда полный. Уже несколько лет, как мы перешли совсем на демократический лад, – писал Лазарев в апреле 1903 года. – Прислуги у нас нет, приходится отдуваться жене и самим сожителю. Тут чисто русская волость у нас. Русских больше, чем в России, хоть отгребай. Летом сюда съезжаются старые друзья со всей Западной Европы, кроме матушки Руси».

Однако при всей усталости хозяев их благородный труд давал прекрасные плоды. Курс лечения удивительным кефиром в буквальном смысле ставил на ноги и давал новые стимулы к жизни. Об этом, в частности, вспоминала Екатерина Кускова (известный политический и общественный деятель, публицист и издатель), которая лечилась здесь от туберкулеза: «...людей на ферме много, почти все революционеры. Почти все они были больные, с привязанными к поясу бутылками: кефир. Кефир подавался и за чаем. Это был замечательный напиток, нигде потом такого не встречала. Лазарев говорил, что коровам для кефирного молока нужны были особые травы, они паслись тут же, на ферме». Подводя итог пребывания в Божии, Кускова констатировала: «В этой чудесной деревушке все мучившие меня вопросы пали...»

В конце 1906 года Егор Егорович вернулся в Россию. Время от времени он будет приезжать в Швейцарию, однако все заботы о «русской волости» лягут на плечи его жены. Трудными Юлии Александровны Лазаревой ферма, постепенно угасая, просуществовала еще до 1919 года. Супруги вновь воссоединятся уже в Чехословакии, где им суждено будет прожить вместе еще более 10 лет, здесь же завершится их жизненный путь.

Наталья Александровна Ёхина – кандидат исторических наук, заместитель руководителя по культурно-просветительской работе санатория «Узкое» Федерального научно-клинического центра реаниматологии и реабилитологии.

Швейцария познакомилась с кефиром именно благодаря выходцам из России, впервые он стал готовиться в Цюрихе, а затем и на побережье Лемана

эти места сегодня, кажется, что за 100 с лишним лет здесь мало что изменилось: вот-вот появится фазтон и мы, минуя деревню Кларан общины «Шателар», через полтора-два километра подъема окажемся в деревне Божии над Клараном (фр. Vaugy sur Clarens). Там в конце XIX – начале XX века процветали молочная ферма и кефирное заведение известного революционера-народника, одного из основателей партии эсеров Егора Егоровича Лазарева (1855–1937).

От революционера – до фермера

Егор Лазарев был энергичным, талантливым и незаурядным человеком. Выходец из крепостных крестьян, он смог осуществить свою мечту и поступить в «школу барскую» – гимназию, где отлично учился, параллельно давал уроки и фактически содержал себя сам. Несмотря на то что закончить учебу ему не удалось (отчислен после первого ареста в 1874 году), всю жизнь Лазарев занимался самообразованием, преуспевая в самых различных сферах, включая даже медицину. При этом он никогда не оставлял и занятий тяжелым физическим трудом, к которому был приучен с раннего детства.

Лазарев был убежден, что нужно «торопиться жить, то есть мыслить, чувствовать, познавать себя и окружающий мир, напоминать людям, что человек из животного превращается в полубога только благодаря его жизни в обществе, что поэтому для полного человеческого счастья на земле долг каждого – любить ближнего своего, работать, творить». Много позже, в 1920-е годы, во время его пребывания в Чехословакии, российские изгнанники и чехи называли Егора Егоровича не иначе как «справедливый старик».

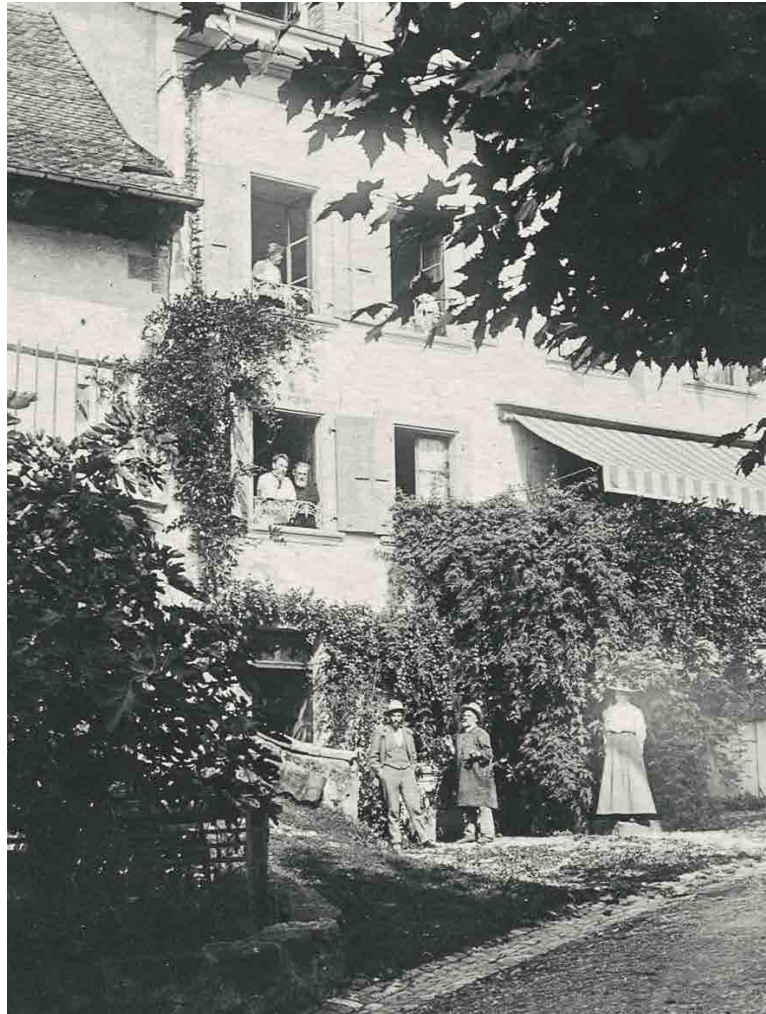
обрел свою вторую половину – в 1896 году женился на владелице молочной фермы Юлии Александровне Лакиер.

Через четыре года после женитьбы в письме В.Г. Короленко Лазарев так описывал произошедшие в его жизни перемены: «Я успел переплыть океан и после нескольких туров остался на более оседлом положении в Швейцарии: женился и дою коров <...> теперь сижу и слежу, как живут, думают и движутся кругом меня народы. А ведь я действительно как раз среди народов Европы. Дойка коров, будучи повелительно необходимой, не может захватить все мои симпатии, и потому я занимаюсь переводной и компилятивной работой».

Подчеркивая, что кефир пришел в Швейцарию именно из России, впервые стал готовиться в Цюрихе, а затем и на побережье Лемана, С.М. Перский так описывал методику его применения: «Для лечения кефиром не существует никакого определенного курса; чем больше и дольше его пить, тем лучше для больного. Обыкновенно его пьют натощак, делая умеренный моцион на открытом воздухе. Часа через два после первого завтрака при такой же прогулке принимают вторую порцию; через два часа после обеда – третью. К закату солнца надо прекратить и прогулку, и питье, а в 9–10 часов уже быть в постели. Какой из трех сортов кефира следует пить – слабый, средний или крепкий, – зависит от организма, а потому выбор нужно предоставить опытному врачу».

Можно допустить, что Егор Лазарев выстраивал свое фермерское пространство в Швейцарии не без оглядки на тот опыт, который он приобрел в России еще в начале 1880-х годов. В течение нескольких недель он гостил в сарматском имении Льва Николаевича Толстого вместе с «приезжей

подробности, свойство и влияние кумыса. В одно время, совершенно неожиданно, явилась к нам на ферму. Я пригласил ее в сад к нам на ферму, и, усевшись, она выпила с удовольствием бутылку кефира и провела более часа, толкуя о политике. Инкогнито живет она в Гранд-Готель, особа очень милая и симпатичная. Пробудет она еще недели две здесь, и за все это время мне придется бежать, как борзому кавалеру».

Основное здание на ферме Е.Е. и Ю.А. Лазаревых. Ориентировочно 1900 г.

Фото из архива автора